

УДК 316.34-053.6
ББК 60.54

Г.В. ТАЛАЛАЕВА,
Ю.В. ТЕТЕРИН

G.V. TALALAEVA,
YU.V. TETERIN

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И ФЕНОМЕН МНОЖЕСТВЕННОЙ ЛИЧНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МОЛОДЁЖИ

SOCIAL INEQUALITY AND THE PHENOMENON OF MULTIPLE PERSONALITY AS A TOOL OF INCREASING THE COMPETITIVENESS OF YOUTH

В статье обосновано утверждение, что интеграция России в глобальное экономическое пространство качественно меняет принципы стратификации российского социума. Системообразующими становятся два фактора: несправедливое социальное неравенство и способность социальных общностей к эффективной жизнедеятельности в формате множественной личности. Приведены результаты опроса старших школьников Екатеринбурга. Показано неполное соответствие их моделей поведения перспективам экономического развития региона. Сделано заключение о необходимости коррекции выявленных моделей поведения с применением социально-педагогических технологий.

The article substantiates the claim that Russian's integration into the global economic space qualitatively changes the principles of stratification of Russian society. Two essential factor were identified: the inequitable social inequality and social communities ability to effective life in the form of multiple personality. The results of the copyright case study on senior pupils of Ekaterinburg were presented. Not full compliance their behavior models for region economic development trends was shown. The conclusion about the need for social and pedagogical correction was reached.

Ключевые слова: конкурентоспособность, социальная стратификация, несправедливое социальное неравенство, множественная личность.

Key words: competitiveness, social stratification, inequitable social inequality, multiple personality.

Современный этап социализации российской молодёжи, включая выбор профессионального сценария жизни, характеризуется ускорением темпов принятия решения, нарастанием скоростей социальной, профессиональной и географической мобильности россиян. Данный процесс внутренних для социума преобразований осуществляется на фоне динамичного изменения окружающей среды и знаковых событий внешней политики российского государства, в частности, переориентации страны с европейского вектора развития на восточно-азиатский, принятие Крыма в состав Российской Федерации, активного формирования евразийского пространства. Все выше перечисленное обостряет борьбу молодых россиян за рабочие места и средства к существованию. Конкуренция на рынке труда оказывается тесно сопряжённой с двумя прямо противоположными тенденциями: одна из них связана с интеграцией мигрантов в российскую экономику, вторая – с необходимостью россиян ассимилироваться в глобальное информационное, образовательное и экономическое пространство. Обе эти тенденции, а точнее их одновременная реализация и качественная разноплановость, формируют новый вызов для социологов, обнажают недостаточность социальных и образовательных технологий, принятых системой образования и профориентации молодёжи [9], которые до недавнего времени были достаточными для обеспечения их стрессоустойчивости и конкурентоспособности.

Отмеченный конфликт трендов социально-экономического развития российского социума наиболее ярко проявляется в тех регионах страны, которые территориально расположены на путях основных миграционных и тех-

нологических потоков. К одному из таких регионов, без сомнения, относится Уральский федеральный округ. Откликаясь на новые реалии, сотрудники Уральского федерального университета внимательно анализируют происходящие процессы, пристально изучают влияние миграционных потоков на социализацию мигрантов и коренной молодёжи, ведут поиски оптимальных подходов к реализации социального менеджмента в территории, стремятся развить человеческий потенциал молодых уральцев.

Мы полагаем, что адекватным методическим приёмом для решения указанных задач является структурно-функциональный анализ социальной стратификации уральского социума по критерию приспособляемости его составных частей к смене образа жизни [11]. Подобный подход является разновидностью системного анализа, рассматривает социум как иерархически выстроенное целостное эмерджентное образование, состоящее из подсистем и komponующих их элементов, находящихся в определённых связях и отношениях между собой и с окружающей средой.

Моделирование социальных систем является сложной задачей. В нашей работе мы использовали описательные модели. При их конструировании мы опирались на две теоретические конструкции: теорию социального неравенства и феномен «множественной личности». Первая теоретическая основа позволила выбрать масштаб проводимых исследований, вторая – инструмент исследования.

При выборе масштаба производимых наблюдений в рамках теории социального неравенства мы ориентировались на дефиницию социальной общности, разработанную Г.Е. Зборовским, понимая «под социальной общностью ... один из основных типов социальной системы, выступающей в качестве реально существующей, эмпирически фиксируемой, относительно единой и самостоятельной совокупности (взаимосвязи) людей, объединённых по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям. Социальные общности характеризуются рядом образующих их признаков: относительной целостностью, осознанием людьми своей принадлежности к ним (идентификацией и самоидентификацией), схожими условиями жизни и деятельности, наличием определённых пространственно-временных полей бытия, реализацией функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания и использования различных ресурсов. Социальные общности определяются наличием: социальной связи и взаимодействия между людьми, в них находящимися и идентифицирующими себя с этими общностями; ряда общих черт жизни и деятельности членов социальных общностей; экономических, социальных, политических, культурных, символических ресурсов; социальной солидарности между членами общностей и т. д.» [4, с. 102–103].

В современных условиях на фоне массовых миграционных процессов межкультурная коммуникация становится значимым стрессовым фактором [12]. Это, наряду с увеличением гетерогенности социальных общностей по национально-этническим, религиозным, профессиональным, мигрантским, образовательным и иным характеристикам, инициирует атомизацию социальных общностей, усиление и углубление социальных неравенств в молодёжной среде [3, 5], изменяет (ускоряет или затормаживает) скорость социального [6] и биосоциального [10] времени россиян, приводит к ограничению их адаптивных и конкурентных качеств.

Совокупность описанных явлений вызывает не только ускоренное расслоение социума на составные общности, но и качественное изменение характера социальной стратификации. Выделение отдельной общности с отличным от остальных сценарием профессионального развития определяется в этих условиях не столько внешними (экономическими, политическими и т. п.) качествами, сколько внутренними свойствами самой общности, поведенческими паттернами её членов. К числу последних, на наш взгляд, от-

носятся способность членов общности модифицировать текущий образ жизни, принять новые формы социальных отношений, выстроить успешную траекторию коммуникации и профессионального сценария в быстро меняющейся среде, иными словами, проявить качества «множественной личности». В нашей работе мы использовали социально-психологическую трактовку «множественной личности».

Из всего многообразия трактовок «множественной личности» мы опирались на ту, которая носит не медицинский, а социально-психологический характер и применяется в работах по архетипической психологии [13] и психологии чрезвычайных ситуаций [8].

Как известно, несмотря на общую тенденцию международного медицинского сообщества к расширению и детализации перечня психиатрических диагнозов (с 60 наименований в 1952 году до 145 в 1968 и 410 в 1994 году; из последней редакции международной классификации психических расстройств года DSM-IV в 1994 году диагноз «множественной личности» исключён из списка психических болезней; вместо него был включён диагноз «диссоциативное расстройство идентичности», само название которого подчёркивало наличие факта индивидуальной дезадаптации больного (личностной, социальной, профессиональной), требующей врачебного вмешательства и медицинской коррекции [7]. В отличие от медицинской трактовки феномена «множественной личности», психосоциальная интерпретация данного феномена предусматривает его выраженный адаптивный характер и рассматривает как информативный индикатор напряжённости адаптивных реакций индивида.

Мы разделяем точку зрения ряда исследователей, согласно которой феномен «множественной личности» следует трактовать как естественную реакцию человеческого сознания на экстремальный социально-психологический опыт индивида или группы людей. С этих позиций экспрессия феномена «множественной личности» является не только индикатором наличия социально-психологического стресса, но измерителем его интенсивности. В данном контексте феномен «множественной личности» близок по своему содержанию к модели нелинейной интерактивной коммуникации, которая объясняет эффективность интерактивного общения многоразовой сменой ролей участников общения, возникающей на основе «взаимопроникновения картин мира, оценок, чувств, что позволяет участникам интеракции понимать, принимать или отвергать точки зрения и оценки друг друга» [1, с. 117].

По нашему мнению, психосоциальная интерпретация феномена «множественной личности» созвучна позиции Т.В. Дуран о ключевой роли субъективных образов в осуществлении процесса социального менеджмента и его тезису о том, что общим контекстом теории социального управления «выступают способности человека как сознательного существа: способности создавать образы возможной реальности, руководствоваться в своей деятельности этими образами, обмениваться ими» [2, с. 12].

Важно отметить также то обстоятельство, что феномен «множественной личности» представляет собой многофакторное явление. Его появление в структуре личности инициируется целым рядом внешних факторов: тягостными последствиями войны или природной катастрофы, пережитой травмой, недостатком заботы и участия в отношении индивида при возникновении экстремального события, отсутствием удовлетворения потребности в безопасности и ощущением недостатка защиты от последующего нежелательного опыта. В силу множественности причин возникновения анализируемый нами феномен может рассматриваться как индикатор активации у индивида защитных психологических механизмов и поиск личностью новых путей адаптации к изменившимся социальным условиям. Добавим, что при таком методологическом подходе справедлив будет и следующий тезис: актуализация феномена «множественной личности» в структуре личности индивида

да является признаком перестройки стереотипов социального поведения и указывает на необходимость их коррекции с помощью психосоциальных и социально-педагогических технологий.

Основываясь на выше приведённых рассуждениях, мы провели пилотное социологическое исследование школьников выпускного класса промышленного мегаполиса Екатеринбурга. Число опрошенных составило 25 человек. Для выявления у респондентов скрытых признаков «множественной личности» опрошенным предлагалось дважды выполнить одну и ту же процедуру: составить собственный портрет из 30 предложенных характеристик, оценивая личную значимость каждой из характеристик по пятибалльной системе.

При первом опросе респондентам предлагалось оценить себя такими, какими они демонстрируют себя в повседневной жизни при типичных, изо дня в день повторяющихся событиях. При втором опросе респондентам предлагалось выполнить виртуальное моделирование, представить себя в условиях глобальной экономической интеграции и выбрать характеристики, которые они сочтут нужным демонстрировать как «граждане мира» при общении со сверстниками, при устройстве на работу и т. п.

Перечень предложенных характеристик был следующим: агрессивность, активность, беззаботность, верность, возбудимость, впечатлительность, вспыльчивость, замкнутость, инициативность, контактность, легкомысленность, надёжность, общительность, оптимизм, осторожность, открытость, пессимизм, подвижность, разговорчивость, резкость, религиозность, самолюбие, сексуальность, скромность, спокойствие, старательность, уравновешенность, уступчивость, целеустремленность, эмоциональность.

Сходство и различие между результатами первого и второго опроса интерпретировались нами как проявление феномена «множественной личности». Наличие качественных расхождений между портретами, составленными в первой и второй сессии, трактовалось нами как присутствие в структуре личности двух сценариев поведения и коммуникации: явного и скрытого (реального и возможного). Выявление степени сходства/различия портретов первого и второго опроса осуществлялось в двух форматах: в виде индивидуального и группового анализа.

Установлено, что в портретах первой сессии, ориентированной на социализацию в текущем режиме времени и реальных условий жизни, доминировали такие характеристики, как верность, активность, старательность, целеустремлённость, надёжность.

В портретах второй сессии в качестве ключевых респонденты обозначили иные качества. Среди них наиболее часто фигурировали такие характеристики, как оптимизм, общительность, контактность.

Различие между двумя сериями портретов очевидно. Выполнив тест, респонденты обнаружили одновременное наличие в структуре их личностей двух качественно разных моделей социального поведения. Первая модель носила будничный характер и была ориентирована на рутинную деятельность. Вторая модель отличалась праздничностью и беззаботностью и не связывалась респондентами с усиленным целеустремлённым вхождением на мировой рынок труда. Из полученных результатов можно заключить, что грядущую интеграцию в глобальное информационное и экономическое пространство современные выпускники школ уральского мегаполиса воспринимают как праздничное событие, далёкое от текущей реальности, и недооценивают те вызовы жёсткой конкуренции на рынке человеческого капитала, которое влечёт за собой развитие экономических связей региона.

На наш взгляд, полученные результаты заслуживают пристального внимания специалистов в области образования и публичной социологии и свидетельствуют о необходимости разработки дополнительных социально-педагогических технологий, направленных на ускоренное развитие и наращивание человеческого потенциала школьников уральского региона.

Литература

1. Гнатюк, О.Л. Основы коммуникации [Текст] / О.Л. Гнатюк. – М. : КНОРУС, 2010. – 256 с.
2. Дуран, Т.В. Теория социального управления [Текст] / Т.В. Дуран. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 191 с.
3. Засыпкин, В.П. Дети мигрантов в северном регионе: социологический анализ проблем социокультурной адаптации [Текст] / В.П. Засыпкин, Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 2 (23). – С. 143-150.
4. Зборовский, Г.Е. Теория социальной общности [Текст] / Г.Е. Зборовский. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. – 304 с.
5. Зборовский, Г.Е. Социальное неравенство и его виды как проблема социологии [Текст] / Г.Е. Зборовский // Вопросы политологии и социологии. – 2013. – № 2 (5). – С. 5-11.
6. Зборовский, Г.Е. Социальные общности и их временные характеристики [Текст] / Г.Е. Зборовский // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2014. – Т. 123. – № 1. – С. 148-158.
7. Множественная личность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://skepdic.ru/mnozhestvennaya-lichnost> (Дата обращения 22.11.2014).
8. Самохвалов, В.П. Психический мир будущего [Текст] / В.П. Самохвалов. – Симферополь, 1998. – 400 с.
9. Стратегии жизни в современных условиях [Текст] / под ред. И.П. Михайлова. – СПб. : СОЮЗ, 2004. – 528 с.
10. Талалаева, Г.В. Время, радиация и техногенез: Биологические ритмы у жителей промышленных территорий [Текст] / Г.В. Талалаева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 234 с.
11. Талалаева, Г.В. Популяционные аспекты самосохранительного поведения [Текст] / Г.В. Талалаева. – Екатеринбург : Изд-во «Голицынский», 2008. – 140 с.
12. Таратухина, Ю.В. Деловые и межкультурные коммуникации [Текст] / Ю.В. Таратухина, З.К. Авдеева. – М. : Юрайт, 2014.
13. Хиллман, Дж. Архетипическая психология [Текст] / Дж. Хиллман. – СПб. : Б.С.К., 1996. – 157 с.